

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ КОНТРАСТИВНОГО КОРПУСНОГО АНАЛИЗА¹

Зализняк Анна А. (anna.zalizniak@gmail.com)

Институт языкознания РАН, Москва

Ключевые слова: русский язык, семантика, лингвоспецифичные единицы, параллельный корпус, контрастивный корпусный анализ, лексическая база данных

RUSSIAN LANGUAGE-SPECIFIC WORDS AS AN OBJECT OF CONTRASTIVE CORPUS ANALYSIS

Zalizniak Anna A. (anna.zalizniak@gmail.com)

IL RAS, Moscow, Russia

The paper summarizes methodological principles and some preliminary results of a project “Contrastive corpus-based study of the specific features of Russian semantic system” currently conducted by a research group on the basis of an aligned Russian-French and French-Russian parallel corpus. The purpose of the research project is to verify, by means of contrastive corpus-based analysis, a number of hypotheses concerning Russian “language-specific” words formulated in the course of previous investigations. We assume that translation equivalents of a language unit in another language can be considered as a source of information about the semantics of the latter. Such approach is particularly efficient in case of language-specific words that usually do not have full-fledged equivalents in other languages. Indeed, there are at least three possible types of mismatch: a certain semantic component is lacking in the translation equivalent; the translation equivalent includes an additional component, which is absent in the original unit; a certain semantic component is rendered by supplementary means. Each of these types of mismatch provides us with linguistic information that contributes to clarify the semantics of the source language unit and thus to verify the hypothesis of its language-specific status.

Key words: Russian language, semantics, language-specific words, parallel corpus, contrastive corpus analysis, lexical database

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13-06-00403.

На протяжении последних двух десятилетий лет мы с моими коллегами ведем исследования русской семантики в направлении, которое в какой-то момент получило название «реконструкция русской языковой картины мира». Результаты работ этого направления опубликованы в монографиях [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005, 2012], а также в ряде статей. За последнее десятилетие исследование «русской языковой картины мира» вошло в круг интересов российской когнитивной лингвистики и необычайно расширило свои рамки; одновременно укрепилась и критическая линия, подвергающая сомнению существование связи между национальным языком и менталитетом соответствующей языковой общности, как и само существование вышеозначенного менталитета. Наша позиция в этой дискуссии достаточно подробно изложена в работах [Зализняк 2013, 2014, Шмелев 2014], поэтому здесь я не буду воспроизводить аргументы в защиту — в конечном счете, гипотезы Сепира-Уорфа, — на которой базируются и которую подтверждают наши исследования. Мне хотелось бы перенести фокус внимания на более верифицируемую часть проблемы, а именно, на само понятие «лингвоспецифичных слов»: с одной стороны, уточнить его содержание, с другой стороны, предложить некоторую операциональную процедуру выявления принадлежащей к этой категории единиц на базе параллельных корпусов, т. е. при помощи анализа межъязыковых соответствий.

Именно такая задача ставится в проекте «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка». Исследование проводится на базе параллельного русско-французского корпуса, который был создан, в значительной степени, силами коллектива данного проекта в ходе предшествующих этапов работы (см. наши публикации [Бунтман и др. 2014, Kruzhhkov et al. 2014]) и в настоящий момент входит в качестве подкорпуса в Национальный корпус русского языка. На основе этого параллельного корпуса в ходе выполнения данного проекта была создана «надкорпусная» База данных лингвоспецифичных единиц русского языка, входом которой являются межъязыковые соответствия, или *моноэквиваленци*, т. е. пары вида: «фрагмент текста, содержащий лингвоспецифичную единицу — функционально-эквивалентный фрагмент текста перевода». Множество тестируемых лингвоспецифичных единиц было сформировано на основе Указателя лексем к книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012].

В исследовании применяется *унидирекциональный* метод контрастивного анализа. Он основан на том, что сопоставление двух языков является не целью, а лишь инструментом анализа одного из них: перевод (т. е. решение, реально принятое переводчиком) некоторой лексической единицы русского языка рассматривается как источник сведений о его семантике. Причем в этих целях используется как прямой, так и обратный перевод: соответственно, в случае обратного перевода в качестве свидетельства о семантике анализируемой единицы русского языка рассматриваются условия ее появления в переводе.

Остановимся подробнее на понятии «лингвоспецифичных слов».

Этот термин восходит к работам Анны Вежицкой, которая говорит о “universal human concepts in culture-specific configurations”, а также о “language-specific meanings” и “language-specific word-meanings”, см. [Wierzbicka 1992, 1996]. В наших работах «лингвоспецифичными» называются слова, заключающие

в себе уникальную концептуальную конфигурацию, т. е. такую, которая «в готовом виде» не представлена ни в какой языковой единице других языков. В этом смысле они непереводаемы: при переводе недостающий семантический компонент либо вводится при помощи дополнительных лексических средств, либо просто теряется. При этом, как показал наш опыт семантического анализа, смысловые компоненты, обуславливающие такую труднопереводимость некоторых русских слов, образуют определенную систему, а именно, обычно оказывается, что они отсылают к одной из «ключевых идей», или «сквозных мотивов» русской языковой картины мира, т. е. к некоторым смыслам, которые являются выделенными в рамках семантической системы русского языка². Поэтому в нашей книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] лингвоспецифичные слова определяются двояким образом: с одной стороны, это слова, для которых трудно найти переводной эквивалент; с другой стороны, это слова, которые включают смысловые компоненты, отсылающие к «ключевым идеям».

Однако эти два признака (отсутствие однозначного переводного эквивалента и наличие некоторого семантического компонента, отсылающего к какой-либо «ключевой идее») априори все же задают два разных класса единиц; при этом ни пересечение, ни объединение этих множеств не дает результата, который бы не противоречил интуиции³. Поэтому более корректным представляется в качестве определения лингвоспецифичности использовать собственно семантический критерий, а оба указанных обстоятельства считать характерными, но не ингерентными признаками лингвоспецифичности.

Прежде всего, следует напомнить, что лингвоспецифичность — свойство, по своей природе компаративное; при этом, поскольку сравнение со всеми существующими языками (в том числе, в том приближении, которое принято в типологии, когда делается представительная произвольная выборка из языков разных семей и ареалов) не входит в нашу задачу, сравнение производится в рамках актуальной для русского языка оппозиции с основными языками Западной Европы (английский, немецкий, французский, итальянский, испанский).

Как известно, однозначный перевод имеют только термины, и то не всегда. Слова естественного языка в большинстве своем многозначны, и чаще всего в разных значениях и в разных контекстах имеют разные переводные эквиваленты. Кроме того, значение слова естественного языка включает в себя, помимо собственно толкования, также смысловые компоненты, вносимые его функционально-стилистической характеристикой, внутренней формой, эпидигматическими связями, интертекстуальной и культурной нагрузкой и т. д. Очевидно, что

² А. Вежицкая называет их «доминантами семантического универсума» русского языка (“semantic themes which shape the semantic universe of the Russian language” [Wierzbicka 1992: 395].

³ Пересечение, т. е. выполнение обоих требований, оставляет за пределами искомой категории такие слова как *разлука* (безусловно лингвоспецифичные, хотя и имеющие более менее однозначный переводной эквивалент, см. ниже), а также достаточно многочисленную категорию труднопереводимых слов, в значении которых отсылка к какой-либо «ключевой идее» по меньшей мере проблематична (ср. напр. нем. *sich melden*); с другой стороны, объединение, т. е. достаточность какого-то одного из двух признаков, включает туда всю безэквивалентную лексику, что также искажает исходный замысел.

при учете всех этих обстоятельств лингвоспецифичным, т. е. содержащим уникальный набор значений перечисленных параметров, окажется практически любое слово любого языка (вспомним, какого труда стоит А. Вежбицкой выявление «экспонентов» семантических примитивов, и результат все равно является не бесспорным). Тем не менее, категория лингвоспецифичных слов представляется осмысленной⁴: в любом случае, безусловно существует *мера лингвоспецифичности*; именно ее хотелось бы научиться определять.

Для начала выделим следующие четыре основных типа отсутствия межъязыкового семантического изоморфизма (на примере пары «русский — английский»; каждый тип обозначается реализующим его русским словом; в скобках указывается информация об английском переводном эквиваленте):

- I) а. подтип РУКА (англ. *hand* vs. *arm*);
б. подтип ПРАВДА-ИСТИНА (англ. *truth*);
- II) тип САМОВАР (переводной эквивалент отсутствует; используется заимствованное слово или описательное определение);
- III) тип РАЗЛУКА (имеется один преимущественный вариант перевода, но он неточный);
- IV) тип ТОСКА (имеется несколько приблизительно равновероятных вариантов перевода, все неточные).

Все эти типы слов русского языка являются в том или ином смысле лингвоспецифичными. Но это их свойство представляет интерес с разных точек зрения. Первый тип составляет предмет *лексической типологии*, которая устанавливает возможные способы членения предметных или концептуальных областей за счет различных способов коллексификации, выбираемых разными языками (см., в частности, [François 2008, Рахилина, Резникова 2013]).

Второй тип — это так называемая *безэквивалентная лексика* (куда относятся, прежде всего, обозначения культурно-специфических реалий, типа *тамада* или *кимоно*), которая много обсуждается в теории перевода. Главная особенность безэквивалентной лексики состоит в том, что она чаще всего подвергается заимствованию — в результате чего, слово, естественно, утрачивает свой безэквивалентный статус в языке-источнике. Однако часто бывает так, что при заимствовании значение слова сдвигается, и межъязыковая эквивалентность снова нарушается (и в этом случае может возникнуть собственно лингвоспецифичность, ср. слова *азарт*, *кураж*, *гонор* [Шмелев 2002], а также новые заимствования типа *имидж*, *пиар*).

Для нас наибольший интерес представляют две последних категории, именно о них и будет идти дальше речь.

⁴ Отметим, что категория лингвоспецифичных слов имеет прочный аналог в обыденном сознании, ср. популярный Интернет-жанр «10 непереводаемых слов»: в этих списках фигурируют, в частности, такие слова как чеш. *lítost*, нем. *Schadenfreude*, порт. *saudade*, русск. *тоска*.

Итак, лингвоспецифичной мы будем называть лексическую единицу, заключающую в себе **уникальную концептуальную конфигурацию**, а именно такую, что во всех существующих ее переводных эквивалентах не хватает какого-то семантического компонента или неустранимым образом присутствует «лишний» компонент.

Так, например, русское слово *бабушка* в значении термина родства имеет встроенный компонент «взаимных добрых чувств» (см. [Wierzbicka 1992: 351]), который порождает специфическую концептуальную конфигурацию⁵. Данный смысловой компонент отсутствует в англ. *grand-mother*, франц. *grand-mère*, нем. *Großmutter*, при том, что это единственный и конвенциональный переводной эквивалент. В английском языке помимо *grand-mother* есть еще *gran*, *granny*, в немецком есть слово *Oma*, но и то, и другое — это именно уменьшительно-ласкательные обозначения, а русск. *бабушка* не является уменьшительно-ласкательным, это нейтральное слово; по крайней мере, никакого другого слова нет: слово *баба* не имеет нужного значения, кроме как в «детском языке» в сочетании с именем (*Баба Галя*), языке слово *бабка* в стандартном литературном стилистически маркировано как имеющее грубоватый оттенок.

Другой пример: глагол *успеть*, ср.:

- (1) Когда это он **успел** опять лечь-то! (И. А. Гончаров «Обломов»)
— *Quand est-ce qu'il a trouvé le temps de se recoucher?*

Французский эквивалент *trouver le temps* вносит компонент планирования своего времени; между тем, в русском оригинале речь идет не столько о возможной нехватке времени, сколько о наклонности и способности, с одной стороны, и о случайности и удаче — с другой (см. [Зализняк, Левонтина 1996]).

Назовем теперь несколько характерных признаков, указывающих на вероятную лингвоспецифичность слова⁶; некоторые из них могут быть установлены при помощи автоматических процедур, применяемых к параллельным корпусам. А именно, если мы рассматриваем некоторую лексическую единицу (ЛЕ) интересующего нас языка, то ее лингвоспецифичность тем более вероятна:

- чем больше имеющих приблизительно равную частотность «моделей перевода»⁷ она имеет;

⁵ Лингвоспецифичность слова *бабушка* подтверждается наличием у него знаковой функции в обыденном сознании, ср. его использование в фильме Карена Шахназарова «Американская дочь» в качестве кодового слова, отсылающего к русскому культурному скрипту.

⁶ Эти признаки представляют собой развитие принципов количественного метода оценки лингвоспецифичности, предложенного Д. В. Сичиновой в докладе на II Международном симпозиуме по лексической типологии (Гранада, 17–19 сентября 2012), см. [Сичинова 2015 (в печати)].

⁷ Термины «модель перевода» (слово или словосочетание, используемое в качестве переводного эквивалента рассматриваемой лексической единицы) и «стимул перевода» (слово или словосочетание, в качестве «реакции» на которое появляется интересующая нас языковая единица в обратном переводе) введены в [Loiseau et al. 2013].

- чем более неоднословными они являются;
- чем чаще при переводе происходит замена части речи (напр. существительному соответствует глагол);
- чем больше количество имеющих приблизительно равную частотность «стимулов перевода»⁸;
- чем более неоднословными являются эти «стимулы»;
- чем в большем проценте случаев в иностранном оригинале вообще отсутствует какая-либо единица-«стимул», которую можно было бы сопоставить анализируемой русской ЛЕ (ср. ниже примеры на слово *разлука*);
- чем больше расхождений имеется между списками моделей и стимулов перевода данной ЛЕ;
- чем более частотной является исследуемая ЛЕ по сравнению с ее моделями перевода (ср. о сравнительной частотности слов русск. *душа* и англ. *soul* в [Wierbicka 1992]).

Первый из перечисленных принципов требует специального комментария, поскольку он является одной из наиболее популярных мишеней критики идеи непереводаемости и стоящей за ней лингвоспецифичности. Так, в статье [Павлова, Безродный 2013: 154] приводится 13 вариантов перевода на немецкий язык русского слова *пошлый*: *kitschig, ordinär, vulgär, gewöhnlich, geschmacklos, niveaulos, primitiv, beschränkt* и др. Заметим, что почти все эти или аналогичные им слова есть и в русском языке (*китч, вульгарный, безвкусный, низкопробный, примитивный* и т. д. — однако ни одно из них не содержит ту уникальную концептуальную конфигурацию, которая заключена в слове *пошлый* (см. об этом слове подробно [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 175–204]). Действительно, установить эти различия позволяет только собственно семантический анализ, однако наличие множества единиц, реально используемых переводчиками и имеющих приблизительно равную частотность — это сигнал о том, что, возможно, данное слово не имеет ни одного точного перевода. Иными словами, наличие большого количества возможных переводных эквивалентов некоторой языковой единицы не опровергает, а скорее подтверждает ее лингвоспецифичность — хотя и не является окончательным аргументом, поскольку, как уже было сказано, наличие множества переводных эквивалентов может быть обусловлено разными причинами.

Проиллюстрируем применение некоторых из перечисленных выше принципов установления меры лингвоспецифичности языковой единицы на двух примерах, иллюстрирующих два разных типа лингвоспецифичных слов.

⁸ По данным из [Сичинава 2015 (в печати)] в текстах англо-русского параллельного подкорпуса НКРЯ слово *удаль* встретилось 11 раз: два стимула встретились дважды: *prowess, recklessness*, девять — по одному разу: *abandonment, assurance, violence, effrontery, feats, bravado, fearless, confidence*. Для слова *моска* (одно из самых известных лингвоспецифичных русских слов, см. в частности [Wierzbicka 1992, Шмелев 2002]) в англо-русском подкорпусе НКРЯ было обнаружено 66 различных «стимулов», из которых половина встречается по 1 разу.

собираться

Глагол *собираться* — один из наиболее ярких представителей категории русских лингвоспецифичных слов (см. [Зализняк, Левонтина 1996], [Зализняк 2006: 209–216]). Этот глагол имеет широкий спектр значений; нас будет интересовать только значение намерения (*собираюсь пойти в кино; собираюсь в гости, на концерт, к Маше*). Как показано в [Зализняк 2006: 212–213], выражаемое этим глаголом намерение имеет двоякую концептуализацию: оно может быть представлено как состояние и как процесс, и лингвоспецифичным является только второе. Противопоставление это проявляется, в частности, в аспектуальном поведении. Пара *собраться* — *собираться* (*жениться, покупать дачу, ехать в Америку*) — это обычная видовая пара с перфектным соотношением ‘переход в состояние’ — ‘результатирующее состояние’, характерным для ментальных глаголов, ср. *понять* — *понимать, почувствовать* — *чувствовать, поверить* — *верить, показаться* — *казаться, огорчиться* — *огорчаться* и т. п. В этом значении глагол *собираться* — ничем не выдающийся, он легко заменяется на *намереваться, иметь намерение* и даже иногда *планировать* (ср. *Я собираюсь/намереваюсь/имею намерение/планирую поехать на конференцию по аспектологии в Гёттеборге*). Соответственно, столь же безболезненно он переводится при помощи иноязычных эквивалентов: англ. *be going to, plan to, be planning to, intend to*; франц. *s’apprêter à, se préparer à, se proposer, avoir intention, aller, vouloir*; нем. *vorhaben, Absicht haben, wollen* и т. д.

Лингвоспецифичное «квазипроцессное» значение (описанное в [Зализняк, Левонтина 1996]) — это тоже намерение, но представленное как своего рода процесс, который может завершиться или не завершиться результатом — т. е. выполнением задуманного. Классическим образцом носителя этого когнитивного сценария является Илья Ильич Обломов; ср. следующее его детальное описание:

- (2) Он, как только проснулся, тотчас же *вознамерился* встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать и вообще заняться этим делом как следует. *С полчаса он всё лежал, мучась этим намерением*, но потом рассудил, что *успеет* ещё сделать это и после чаю, а чай можно пить, по обыкновению, в постели, тем более, что ничто не мешает думать и лёжа. Так и сделал. После чаю он уже приподнялся с своего ложа и чуть было не встал; поглядывая на туфли, он даже начал спускаться к ним одну ногу с постели, но тотчас же опять подобрал её.

В таком «квазипроцессном» значении глагол *собираться* образует с *собраться* предельную (квазипредельную) пару: можно *собираться* и *наконец собраться* (ср. *строили, строили и наконец построили*), но можно *собираться, но так и не собраться*. В этом значении обсуждаемый глагол труднопереводим — в том смысле, что он переводится теми же глаголами, но с потерей процессной составляющей и компонента неконтролируемости.

В нашей Базе данных лингвоспецифичных единиц русского языка такое *собираться* представлено в следующих примерах:

- (3) — *Давно собирался* к тебе, — говорил гость, — да ведь ты знаешь, какая у нас дьявольская служба! (И. А. Гончаров. Обломов)
— Depuis longtemps je *m'apprêtais* à te rendre visite. Mais tu connais le travail de tous les diables que nous avons.
— Il y a déjà longtemps que je *me préparais* à venir te voir, mais tu connais ce damné service que nous avons!
- (4) — А я так и не был у него с самых праздников. *Все собирался*. (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича)
— Et moi qui ne suis pas allé chez lui depuis les fêtes. Cependant, *je m'étais juré de le faire*.
- (5) геморрой-с... *всё* гимнастикой *собираюсь* лечиться; там, говорят, статские, действительные статские и даже тайные советники охотно через веревочку прыгают-с; (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание)
— des hémorroïdes, vous savez... *je me propose toujours* de les soigner par la gymnastique; on dit que des conseillers d'Etat sautent volontiers à la corde

Как мы видим, во всех четырех случаях употреблены разные глаголы (в то время как переводные эквиваленты для неспецифичного стативного *собираться* воспроизводятся одни и те же: с точки зрения частотности с большим отрывом лидируют строевые глаголы *aller* и *vouloir*). При этом все четыре французских переводных эквивалента специфического «квазипроцессного» значения не выражают — хотя в остальном перевод достаточно точно передает смысл.

Особенно характерен для рассматриваемого значения употребление в контексте (*собирался, но так и не собрался*). Интересно, что оно довольно часто появляется в переводах на русский язык, в качестве реакции на разнообразные многокомпонентные стимулы, ср. (примеры из НКРЯ):

- (6) Throughout that time he had been intending to alter the name over the window, but *had never quite got to the point of doing it*. [George Orwell. Nineteen Eighty-Four (1949)]
— Все эти годы он собирался сменить вывеску, *но так и не собрался*. [Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989)]
- (7) Although she had thought in New York, when Eugene first began to make money, that now she would indulge in tailor-made garments and the art of an excellent dressmaker, she *had never done so*. [Theodore Dreiser. The "Genius" (1915)]
— В Нью-Йорке, когда Юджин стал хорошо зарабатывать, она мечтала о том, что будет заказывать наряды у лучших портних, но *так и не собралась* этим заняться. [Теодор Драйзер. Гений (М. Волосов, 1930)]

- (8) *She never seemed to say what she had intended to say to the prisoner.* [Ursula Le Guin. *The Tombs of Atuan* (1971)] [омонимия не снята]
 — Но кажется, **так и не собралась** высказать ему все, что хотела. [Урсула Ле Гуин. *Гробницы Атуана* (И. Тогоева, 1991)]
- (9) *Ich bin noch nicht dazu gekommen, mir schwarze zu kaufen, oder vielmehr, ich habe es unterlassen.* [Thomas Mann. *Buddenbrooks* (1896–1900)]
 — Я еще **не собрался** купить черные, или, вернее, решил не покупать. [Томас Манн. *Будденброки* (Н. Ман, 1953)]
- (10) *Tu' ich 's jetzt nicht, so geschäh' es niemals.* [Johann Wolfgang Goethe. *Die Leiden des jungen Werther* (1774)]
 — Если не сейчас, **я не соберусь никогда**. [Иоганн Вольфганг Гёте. *Страдания юного Вертера* (Н. Касаткина, 1954)]

Как можно видеть, из всех этих примеров лишь в двух случаях «стимул перевода» содержит идею ‘не собрался’, и оба они неоднословны: англ. *had never quite got to the point of doing it* в (6) и нем. *noch nicht dazu gekommen* в (8). В остальных случаях русское *не собрался* возникает в качестве эквивалента для единиц со значением ‘не сделал’, как бы сглаживая более «жесткие» очертания английского смысла за счет идеи неполной контролируемости. Пример (9) обнаруживает компонент неконтролируемости русского *не собрался* наоборот, за счет того, что в качестве стимула перевода использована конструкция без личного субъекта.

разлука

Слово *разлука* (проанализированное в [Зализняк, Левонтина 1999], [Levontina, Zalizniak 2001]) имеет в значении ‘временное пребывание в состоянии пространственной разделенности с кем-то, сопровождающееся специфическим эмоциональным состоянием’. Это слово имеет конвенциональные переводные эквиваленты: англ. *separation*; франц. *séparation*, нем. *Trennung*, в которых, однако, отсутствует компонент эмоционального состояния, встроенный в русское слово *разлука* и составляющий его специфику.

В русско-французском параллельном подкорпусе НКРЯ слово *разлука* встречается 30 раз. Во французском переводе им соответствует: *séparation* (19), *être séparé* (2), *se séparer* (2), *absence* (2); описательный способ передачи смысла: *sans toi (la vie est trop affreuse)* и др. (5). Во французско-русском подкорпусе слово *разлука* встречается в пяти примерах, все пять имеют разные «стимулы»: *se quitter, être séparé, éloignement, privation, absence*.

Еще более показательны данные англо-русского параллельного подкорпуса (в несколько раз большего по объему). В переводах с английского на русский в качестве «стимула», помимо слова *separation* могут выступать: *absence (from somebody), severance, leaving, to be absent (from somebody), to be separated (from somebody), to be parted (from somebody), being away (from somebody), being away long*

enough/too long, grief of losing, not seeing him soon again, good-bye (That good-bye had lasted until now) и другие относительно свободные словосочетания. В оригинале может вообще не быть никакого одного слова, которое служит стимулом; слово *разлука* в русском переводе возникает в как аккумулятор смыслов 'отсутствие контакта' и 'эмоциональное состояние, включающее страдание от отсутствия контакта и желание его возобновления', присутствующих в предложении в разных местах и выраженных различными способами. Ср. (фрагменты английской фразы, послужившие «стимулом» для появления слова *разлука* в переводе, выделены курсивом):

(11) *Scarlett, seeing him for the first time in more than two years, was frightened by the violence of her feelings.* [Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 1 (1936)]
— Буря чувств, которую эта встреча, первая после двух лет *разлуки*, пробудила в душе Скарлетт, потрясла и испугала ее самое. [Маргарет Митчелл. *Унесённые ветром*, ч. 1 (Т. Озерская, 1982)]

(12) (12) *But there were some nights when even brandy would not still the ache in her heart, the ache that was even stronger than fear of losing the mills, the ache to see Tara again.* [Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 2 (1936)]
— Но бывали ночи, когда даже с помощью коньяка Скарлетт не удавалось утишить боль в сердце, боль, куда более сильную, чем страх потерять лесопилки, — неутолимую боль *разлуки* с Тарой. [Маргарет Митчелл. *Унесённые ветром*, ч. 2 (Т. Кудрявцева, 1982)]

Ср. также следующий пример перевода с русского:

(13) Сколько месяцев не слышал паровозного крика, и как моряка волнует бирюзовая синь бескрайнего моря каждый раз после долгой *разлуки*, так и сейчас кочегара и монтера звала к себе родная стихия. [Н. А. Островский. *Как закалялась сталь* (ч. 2) (1930–1934)]
— It was months since he had heard an engine whistle, and the one-time stoker and electrician yearned as much for the familiar surroundings as the sailor *yearns* for the boundless sea expanse after *a prolonged stay on shore*. [Nikolai Ostrovsky. *How the Steel was Tempered* (pt 2) (R. Prokofieva, 1952)]

Здесь «модель перевода» слова *разлука* складывается из двух фрагментов: со значением 'долгое нахождение в другом месте' (*a prolonged stay on shore*) и со значением определенного эмоционального состояния (*yearns* 'страстно стремится').

Таким образом, применение предлагаемых принципов оценки степени лингвоспецифичности лексической единицы методом унидирекционального контрастивного анализа подтверждает полученные ранее результаты собственно семантического анализа и в дальнейшем — при условии значительного увеличения объема параллельных корпусов — может использоваться как метод выявления гипотетически лингвоспецифичных языковых единиц.

Автор пользуется случаем выразить благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания, которые по возможности были учтены в окончательной версии статьи.

Литература

1. Бунтман Н. В., Зализняк Анна А., Зацман И. М., Кружков М. Г., Лоцилова Е. Ю., Сичинава Д. В. (2014), Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросс-лингвистических баз данных // Информатика и ее применения. Т. 8, вып. 2. С. 98–110.
2. Зализняк, Анна А. (2006), Многозначность в языке и способы ее представления. М.: «Языки славянских культур».
3. Зализняк Анна А. (2013), Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине «языковая картина мира» // *Russian Linguistics*, Vol. 37, Issue 1, P. 5–20.
4. Зализняк Анна А. (2014), Языковая картина мира: между Сциллой и Харибдой // V Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 18–21 марта 2014. С. 108–109.
5. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. (1996), Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // *Russian Linguistics*, vol. 20, pp. 237–264.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б. (1999), С любимыми не расставайтесь // *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*. М.
7. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. (2005) Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры. М.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. (2012) Константы и переменные русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры. М.
9. Павлова А. В., Безродный М. В. (2013), Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. СПб., с. 138–159.
10. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013), Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*, № 2, с. 3–31.
11. Сичинава Д. В. (2015, в печати) Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты // *Труды Института русского языка РАН*. М.
12. Шмелев А. Д. (2002), Русская языковая модель мира. Опыт словаря. М.: «Языки славянской культуры».
13. Шмелев А. Д. (2014), Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Т. I. М. С 36–116.
14. François A. (2008) Semantic maps and the typology of colexification. // *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic*

- Associations. Ed. by Martine Vanhove. [Studies in Language Companion series, 106] Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. P. 163–216.
15. *Kruzchkov M., Buntman N. V., Loshchilova E. J., Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M.* (2014), The database of Russian verbal forms and their French translation equivalents // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2014.* С. 275–287.
 16. *Levontina I. B., Zalizniak Anna A.* (2001), Human emotions viewed through the Russian language. // *Emotions in Crosslinguistic perspective.* Ed. by J. Harkins and A. Wierzbicka Berlin — N.Y.: Mouton de Gruyter, 2001, pp. 291–336.
 17. *Loiseau S., Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M.* (2013), Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus // *Информатика и ее применения, 2013. Том 7, вып. 2.* С. 100–109.
 18. *Wierzbicka A.* (1992), *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations.* N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press.
 19. *Wierzbicka A.* (1996), *Semantics: Primes and Universals.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

References

1. *Buntman N. V., Zaliznjak Anna A., Zatsman I. M., Kruzchkov M. G., Loshchilova E. Ju., Sitchinava D. V.* (2014), *Informacionnye tekhnologii korpusnykh issledovanij: printsipy postroenija kross-lingvisticheskikh baz dannykh* // *Информатика и ее применения.* Т. 8, вып. 2. С. 98–110.
2. *François A.* (2008), *Semantic maps and the typology of colexification.* // *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations.* Ed. by Martine Vanhove. [Studies in Language Companion series, 106] Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. P.163–216.
3. *Kruzchkov M., Buntman N. V., Loshchilova E. J. Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M.* (2014), The database of Russian verbal forms and their French translation equivalents // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2014”.* S. 275–287.
4. *Levontina I. B., Zalizniak Anna A.* (2001), Human emotions viewed through the Russian language. // *Emotions in Crosslinguistic perspective.* Ed. by J. Harkins and A. Wierzbicka Berlin — N.Y.: Mouton de Gruyter, 2001, pp. 291–336.
5. *Loiseau S., Sitchinava D. V., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M.* (2013), Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian-French multivariant parallel corpus // *Информатика и ее применения, 2013. Т. 7, вып. 2.* С. 100–109.
6. *Pavlova A. V., Bezrodnyj M. V.* (2013), *Hitrushki i edinorog: iz istorii lingvonart-sissizma* // *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaja kul'turologija v poiskakh «etnicheskoi mental'nosti».* SPb., s. 138–159.
7. *Rahilina E. V., Reznikova T. I.* (2013), *Frejmovyj podkhod k leksicheskoi tipologii* // *Voprosy jazykoznanija, №2, s. 3–31.*

8. *Sichinava D. V.* (2015, in print), *Parallel'nye teksty v sostave Natsional'nogo korpusa russkogo jazyka: novye napravlenija razvitija i rezul'taty* // *Trudy Instituta russkogo jazyka RAN*. M.
9. *Shmelev A. D.* (2002), *Russkaja jazykovaja model' mira. Opyt slovarja*. M.: «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
10. *Shmelev A. D.* (2014), *Jazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnovenija?* // *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*. T. I. M. S 36–116.
11. *Wierzbicka A.* (1992), *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press.
12. *Wierzbicka A.* (1996), *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
13. *Zaloznjak, Anna A.* (2006), *Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija*. M.: «Jazyki slavjanskih kul'tur».
14. *Zaloznjak Anna A.* (2013), *Russkaja semantika v tipologicheskoj perspektive. K voprosu o termine «jazykovaja kartina mira»* // *Russian Linguistics*, Vol. 37, Issue 1, P. 5–20.
15. *Zaloznjak Anna A.* (2014), *Jazykovaja kartina mira: mezhdju Scilloj i Kharibdoj* // *V Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka*. Moskva, MGU, 18–21 March 2014. S. 108–109.
16. *Zaloznjak Anna A., Levontina I. B.* (1996), *Otrazhenie natsional'nogo kharaktera v leksike russkogo jazyka (razmyshlenija po povodu knigi: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992)* // *Russian Linguistics*, vol. 20, pp. 237–264.
17. *Zaloznjak Anna A., Levontina I. B.* (1999), *S ljubimymi ne rasstavajtes'* // *Logicheskij analiz jazyka: Obraz cheloveka v kul'ture i jazyke*. M.
18. *Zaloznjak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D.* (2005), *Kljuchevye idei russkoj jazykovoj kartiny mira*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury. M.
19. *Zaloznjak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D.* (2012), *Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury. M.